

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)

Струев Даниил Андреевич

***Исторические и патриотические мотивы в афганских народных
двустишиях (ландэй)***

Направление 032100 «Востоковедение, африканистика»

Выпускная квалификационная работа бакалавра

(Профиль: *Иранская филология*)

Научный руководитель: д.ф.н., Пелевин М.С.

Рецензент: Грачёв М.С.

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Оглавление.....	2
Введение.....	3
1. История изучения афганского фольклора и жанра <i>ландэй</i>	8
1.1. Изучение афганского фольклора и жанра <i>ландэй</i> на Западе.....	8
1.2. Изучение афганского фольклора в Афганистане и Пакистане.....	11
1.3. Изучение афганского фольклора в СССР.....	17
2. Общая характеристика жанра <i>ландэй</i>	22
3. Социально-историческая и национально-патриотическая тематика в <i>ландэй</i>	34
3.1. Исторические мотивы.....	34
3.2. Отражение принципов «Паштунвали».....	41
3.2.1. Принцип <i>нанг</i>	42
3.2.2. Принцип <i>намус</i>	44
3.2.3. Принцип <i>бадал</i>	45
3.2.4. Принцип <i>гайрат</i>	46
3.2.5. Принцип <i>тура</i>	47
3.3. Патриотические мотивы.....	49
3.4. Тема войны и защиты родины.....	53
3.5. Отражение исламской идеологии.....	58
Заключение.....	61
Список использованной литературы.....	65
Приложение.....	67

Введение

Фольклор – это художественное, преимущественно устно-поэтическое творчество широких народных масс. Фольклор, будучи древнее письменной литературы и передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, является ценнейшим источником для познания истории каждого народа независимо от уровня его социально-экономического развития. Народная поэзия является одним из основополагающих элементов культуры любого народа, поскольку она отображает его обыденную жизнь во всех ее проявлениях, представляет собой продукт коллективного творчества, а не плод каких-либо личных фантазий отдельных авторов. Паштунская народная поэзия в этом смысле не является исключением.

Для изучения народной поэзии очень важно знать и понимать общественные ценности и образ жизни народа. И, наоборот, важно изучать саму народную поэзию, чтобы знать и понимать обычаи, традиции и культурные ценности этого народа. Изучение народной поэзии паштунов, с одной стороны, предполагает достаточно глубокое знание истории и культуры паштунского народа, а, с другой, способствует еще большему углублению и совершенствованию этих знаний.

Культура и цивилизация паштунов отражены в народной поэзии весьма полно. Можно утверждать, что в паштунском фольклоре так или иначе затронуты все самые существенные аспекты жизни паштунов. Об этом говорит разнообразие тем народных стихов: любовь, верность, честь, путешествия, горе, Родина и т.д. Популярная тема связана с разлукой, причём под разлукой понимается не только расставание с

близкими и любимыми людьми, но и пребывание за пределами родной земли.

Если об истории устного фольклора паштунов до его первой письменной фиксации в XVIII в. можно лишь строить предположения, то в его популярности в народе (даже в период распространения письменной литературы и развития классической поэзии пашто) можно не сомневаться. Передававшиеся устно песни, стихи и сказки всегда были интересны и понятны каждому простому паштуну.

В целом афганская народная поэзия богата не только своим содержанием, но и жанровыми формами, в числе которых, например, *лоба*, *ландэй*, *нимакэй*, *багатэй*, *чарбайта* и другие. Как правило, произведения разных жанровых форм сосредоточены на изображении каких-либо определенных аспектов жизни паштунов, но такой жанр, как *ландэй*, который является старейшим и наиболее популярным жанром паштунской народной поэзии, в разной степени освещает все стороны культуры и социального быта паштунов в совокупности.

Без преувеличения можно сказать, что *ландэй* – это зеркало, в котором мы видим реальную картину повседневной жизни, социально-правовые обычаи и идеологию, многообразные элементы культуры и цивилизации паштунского общества. Кроме этого в произведениях народной поэзии отражены представления об этическом идеале паштунов, о таких моральных принципах, как честь, собственное достоинство, мужество, свободолюбие, осознание себя частью одной этнической общности, любовь к Родине. Именно эти мотивы произведений жанра *ландэй* будут рассмотрены в данной работе.

В качестве основных источников литературного материала в данной работе использованы два сборника *ландэй*, изданные в Кабуле

[Landəy 1979] и Душанбе [Ландайха 1991], а также книга Ханифа Халила «Культура паштунов в паштунской тапэй» [Khalil 2011] (подробнее об этих работах сказано в 1-й главе). Из вышеупомянутых сборников для исследования были взяты *двустишия-ландэй*, включенные в разделы «Война и сопротивление» (Wars and Resistance) [Khalil 2011, p. 115-122], «Родина» (*vatan*) и «Доблесть» (*tura*) [Landəy 1979, с. 21-28; Ландайха 1991, с. 31-58, с. 16-29]. Общий объём рассмотренного материала составил более семидесяти *двустиший-ландэй*.

Объектом исследования в настоящей работе являются произведения жанра *ландэй*, предметом исследования – историческая и патриотическая тематика в этих произведениях.

Цель работы – обосновать значение произведений жанра *ландэй* для изучения культуры и истории паштунов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- выявить особенности жанра *ландэй*;
- рассмотреть историю изучения афганского фольклора и непосредственно жанра *ландэй*;
- выделить основные черты, присутствующие в исторических и патриотических *двустишиях-ландэй*;
- провести тематическую систематизацию *двустиший-ландэй*, содержащих исторические и патриотические мотивы.

Структура работы: введение, три главы, заключение, приложение и список использованной литературы.

При транскрибировании текстов *ландэ* используется транскрипция, отражающая современную фонетику афганского языка (см. табл.).

ا	ā
ب	b
پ	p
ت	t
ث	ʈ
ج	t
س	s
ش	ʃ
ه	h
خ	x
چ	č
ع	c
ز	z
د	d
ذ	z
ډ	ɖ
څ	ʒ
ر	r
ړ	r̥
ړ	r
ز	z
ښ	ɟ
س	s
ش	ʃ
خ	x
س	s
ز	z
ت	t
ز	z
ع	ʻ
ي	y
ف	f
ق	q
ک	k
گ	g

ل	l
م	m
ن	n
ڻ	ŋ
و	u, o, v
ه	h, a, ə
ي	y, i
ئ	əy
ى	ay, i
ى	əy
ې	e

1. История изучения афганского фольклора и жанра *ландэй*

1.1. Изучение афганского фольклора и жанра *ландэй* на Западе

В числе первых европейцев, близко познакомившихся с письменной и устной словесностью афганцев, был английский политический деятель и историк Маунтстюарт Элфинстон, возглавлявший с 1808 г. британскую дипломатическую миссию в восточном Паштунистане. Одним из результатов этого знакомства стал его двухтомный труд под названием «Описание Кабульского государства» [Elphinstone 1839]. В книге М. Элфинстона собраны богатые и разнообразные сведения о населении Афганистана: о его племенном составе и племенных взаимоотношениях, о быте людей, их обычаях, традициях, географии страны, религии и культуре. Рассказывая в своей книге о литературе пашто, автор упоминает диваны трёх поэтов (Хушхал-хана, ‘Абд ар-Рахмана, Ахмад-шаха), переводы на пашто из персидской классики и некоторые афганские богословские трактаты. В самых общих чертах М. Элфинстон характеризует также фольклор афганского народа.

О любви афганцев к сказкам и народным песням М. Элфинстон пишет так: «После обеда они сидят и курят или собираются в круг рассказывать сказки и петь. Старики – большие мастера рассказывать. Сказки афганцев повествуют о королях и визирях, о джиннах и феях, но главным образом о любви и войне. Они часто содержат песни и стихи и всегда заканчиваются нравоучением. Афганцы наслаждаются этими сказками и песнями. Слушают, затаив дыхание, а по окончании обычно восклицают – «Эшаваш!» («Браво!») – этим они обычно выражают своё восхищение» (цит. по Лебедев 2003, с. 389).

Более подробный и интересный материал по фольклору округа Банну собрал и опубликовал в Лондоне в 1876 г. Септимус Смет Торбёрн в книге «Банну, или Наша афганская граница» [Thorburn 1876]. Его работа состоит из двух частей. В первой части автор приводит образцы баллад, стихов *ландэй* и загадок, во второй – пословицы, тематически распределённые на 35 категорий. Кроме того С. Торбёрн рассказывает об истории и географии этого округа, обычаях, верованиях и жизни паштунского племенного общества.

Кроме того, некоторые исследователи в своих работах по литературе Афганистана приводили сведения общего характера и о фольклоре местного населения. К таким трудам относятся работы Генри Джорджа Раверти «Грамматика пашто, языка афганцев» [Raverty 1860] и «Гулшан-и Рох: избранное, проза и поэзия, на пашто, языке афганцев» [Raverty 1860] и Томаса Патрика Хьюза «Калид-и афгани, избранное паштунской прозы и поэзии для изучающих» [Hughes 1873].

Позднее, во второй половине XIX в., изучением языка, фольклора и литературы пашто с использованием большого числа рукописей занимался французский иранист Джемс Дармстетер. Результатом его исследований стала фундаментальная работа по афганскому фольклору «Народные песни афганцев» [Darmsteter 1888-1890]. В этом труде автор сообщает сведения об истории и языке паштунов, приводит образцы устного народного творчества (загадки, пословицы, стихи-*ландэй*, колыбельные и заплачки), предлагает их тематическую классификацию. Некоторые тексты на пашто снабжены переводами на французский язык, комментариями и примечаниями. Эта работа в части исследования фольклорных материалов сохраняет большое значение и по настоящее время.

После капитального труда Дж. Дармстетера в первой половине XX в. появилось лишь несколько представляющих интерес работ западных исследователей. Однако вот что пишет об этих работах и какую им оценку даёт К.А. Лебедев: «В 1907 г. в Лондоне в «Журнале королевского азиатского общества» А. Хаувелл опубликовал баллады на вазирском диалекте языка пашто [Hawell 1907]. В 1912 г. в Калькутте в «Записках Бенгальского азиатского общества» печатаются десять афганских сказок на пашто, собранных и переведенных на английский язык Ф. Мельоном [Malyon 1912]. В 1926 г. Бойл в индийском городе Аллахабад издаёт «Сборник афганских пословиц и поговорок» [Boyle 1926]. Все пословицы даны в латинской транскрипции с переводом их на английский язык (всего 322 пословицы и поговорки).

Характеризуя эти работы, следует отметить, что они представляют сборники образцов афганского фольклора без какого-либо анализа или комментариев к ним» [Лебедев 2003, с. 390]. С этой точкой зрения сложно не согласиться. Ведь действительно, очень мало работ содержит анализ исследуемого материала.

На современном этапе можно выделить работы по литературе и фольклору афганцев американской исследовательницы Вилмы Хестон. В частности, её авторству принадлежит работа «Устная народная литература пашто» [Heston 2010]. В ней В. Хестон пишет об истории изучения паштунского фольклора, разделяя её на два периода: до середины XX в., когда большую активность проявляли западные исследователи, и после середины XX в., когда с появлением «Паштунской Академии» афганские исследователи тоже начали изучать устное народное творчество на языке пашто. В этой работе В. Хестон содержится подробная библиография публикаций материалов афганского

фольклора в Афганистане и Пакистане, а также посвящённых им исследованиям афганских и западных учёных.

Следует так же упомянуть главу В. Хестон о поэзии и фольклоре округа Пешавар под названием «Footpath Poets of Peshavar» («Тропинка поэтов Пешавара») в книге «Gender, Genre, and Power in South Asian Expressive Traditions» [Heston 1991].

1.2. Изучение афганского фольклора в Афганистане и Пакистане

Следует отметить, что самая ранняя подборка *двустийши-ландэй* содержится в работе по паштунской грамматике и лексикографии «Фарханг-и Иртиза'и» (1810 г.), автором которого является Мухаммад Иртиза-хан 'Умархел, потомок паштунских правителей Рампура. Уникальная рукопись этой книги, написанной в Дели по просьбе некоего "индийского раджи" в настоящее время хранится в публичной библиотеке города Патна. Последний, 166-й раздел работы, под заголовком «О понимании стихов пашто...» включает двадцать три *двустийши-ландэй* с переводом на персидский и хиндустани [Pelevin 2015₁, с. 486].

Начиная со второй четверти XX, в. уже в самом Афганистане отдельные исследователи начинают проявлять интерес к народному творчеству своего народа. Начинается сбор образцов афганского фольклора, его изучение, исследование, пишутся различные статьи. Афганская академия в Кабуле (Пашто Толэна) с 1940 г. издаёт сборники афганских сказок, легенд, хикайатов, пословиц, народных песен, в том числе *ландэй*.

Одной из ранних работ по фольклору пашто была статья «Обзор афганской литературы», опубликованная в ежегоднике «Кабул» за 1937/38 г. Аминуллою Змарйалаем, афганским писателем и ученым, который несколько лет руководил отделом языка Афганской академии. В этой статье приведены краткие сведения об афганских народных песнях, в первую очередь о так называемых заплачках [Лебедев 2003, с. 391].

В 40-е годы большой вклад во всесторонне изучение афганского фольклора внёс Мухаммад-Гул Нури – афганский поэт, фольклорист-филолог и автор более 30 трудов по афганской народной поэзии и языку. Начал он с издания двух томов сборника «Народное зеркало» [Нури 1939-1940], где в каждом были напечатаны по семь популярных сказок и легенд. Сотрудничая с ежегодником «Кабул», Мухаммад-Гул Нури в журнале за 1940-1941 гг. печатает статью о *ландэй*, а через год публикует статью «Обзор афганских народных сказок» [Нури 1943], представляющую собой научный анализ. Ещё через год появляется первый сборник народных песен афганцев «Народные песни» [Нури 1944]. Песни, собранные М. Г. Нури, как и записанные ранее Дж. Дармстетером, включались позднее во многие публикации афганских собирателей фольклора, среди которых был Гул-Пача Улфат, Саддикулла Риштин, ‘Абд ал-Хай Хабиби, ‘Абд ал-Манан Дардманд и др. [Лебедев 1972, с. 7]

Заметный вклад в изучение афганского фольклора внёс также ‘Абд ар-Ра’уф Бенава – афганский писатель-просветитель, ученый, публицист. В 1944 г. он выпускает книгу «Афганские женщины», в которой кратко излагается содержание известных афганских сказок и легенд, а также сведения об их героях и героинях. В 1947 г. Бенава издаёт работу «Несколько афганских мелодий» [Лебедев 2003, с. 391].

В 1979 г. Центром изучения языка пашто Академии наук Афганистана (Кабул) был издан сборник «Ландэй» [Landəy 1979]. В нём представлены 225 *ландэй* и их переводы, выполненные ‘Абд ар-Ра’уфом Бенава на дари и Са‘д ад-Дином Шпуном на английский язык. Стихотворения сборника распределены по 17 тематическим разделам, названия которых дают полноценное представление о содержании жанра *ландэй* в целом. К стихам любовного содержания относятся *ландэй* из разделов «Смех и поцелуи» (*xanda aw xulgəy*) (42)¹, «Свидание» (*didan*) (16), «Объятия» (*yeğ*) (12), «Сердце и глаза» (*zrə aw stərge*) (36), «Локоны» (*orbal aw zulfī*) (6), «Луна» (*spogməy*) (20), «Цветы» (*goluna*) (50) и «Разлука» (*beltun*) (32); к стихам, посвящённым превратностям судьбы, относятся *ландэй* из разделов «Горе» (*vir*) (13), «Обиженный» (*maravər*) (3), «Странствие» (*pardesi*) (21) и «Обвинение, клевета» (*tomat*) (7); к стихам, раскрывающим образ истинного паштуна, относятся *ландэй* из разделов «Клинок» (*tura*) (22), «Честь» (*pat*) (8) и «Справедливость» (*‘adālat*) (28); к стихам бытового содержания относятся *ландэй* из разделов («Водопой» (*gudar*) (6) и «Разнообразные» (*rāz-rāz*) (4).

В небольшом вступлении к этому сборнику Са‘д ад-Дин Шпун пишет: «Этот сборник – моё видение *ландэй*. Я пытался как можно более точно передать оригинальное содержание, стараясь согласовывать его с синтаксисом английского языка. Надеюсь, что в своём переводе мне удалось передать хотя бы часть впечатлений от оригинала» [Landəy 1979, с. 1-2]. По мнению С. Шпуна, одним из возможных направлений исследования *ландэй* является его сравнение со схожими поэтическими жанрами других культур, например, с японскими стихами хокку.

---

¹ В скобках указано число стихотворений.

Своего рода итог собирательской работе, проделанной в стране за два десятилетия, подвёл сборник афганских народных песен «Паштунские песни», составленный Мухаммад ад-Дином Жваком и Мухаммадом Хасаном Замиром Сапи и выпущенный в Кабуле в 1955-1956 гг. в двух томах [Лебедев 2003, с. 391].

В дальнейшем афганские филологи продолжили работу по собиранию и фиксации песенного творчества паштунов, одновременно предпринимая попытки систематизации и анализа накопленного материала. Такой подход к поэтическому наследию паштунского народа характерен для появившихся в шестидесятые годы в печати Афганистана статей ‘Абдуллы Бахтаная, Муджавира Ахмада Зийара, Дост-Мухаммада Шинвари, Сулеймана Лаика.

По мнению Г.Ф. Гирса, наиболее значительный вклад в исследование и популяризацию паштунской народной и народно-профессиональной эпической поэзии внёс ‘Абдулла Бахтанай. В поисках народных песен он посетил многие районы Нангархара, Лагмана, Кунара. В результате этих фольклорных экспедиций ему удалось зафиксировать десятки неизвестных до той поры творений словесного искусства и приступить, начиная с 1965 г., к их регулярному изданию на страницах прессы Кабула и Джелалабада. Ряд напечатанных текстов вошёл в составленную им книгу «Бряцание саблей» [Бахтанай 1968]. Помимо уже известных песен, ‘А.Бахтанай помещает в неё 19 оригинальных, ещё совершенно неизвестных специалистам и широкому кругу читателей произведений устного творчества [Гирс 1984, с. 5].

В 70-е годы научно-исследовательская активность афганских фольклористов заметно усилилась. В этот период вырос интерес к паштунской народной поэзии среди преподавателей и студентов

Кабульского университета. Важным событием стало открытие в Кабуле в 1972 г. Общества по изучению фольклора народов Афганистана, сразу же приступившее к выпуску журнала «Фольклор». Среди афганских исследователей этого времени особенно плодотворно трудились Хабибулла Рафи‘ и Залмай Хевадмал. Их многочисленным работам (в том числе по афганскому фольклору) присущ историко-филологический анализ многообразных явлений духовной жизни паштунов на разных стадиях их общественного и культурного развития. В результате этих изысканий Х. Рафи‘ и З. Хевадмал обнаружили и записали немало новых песен, исследовали целые сюжетно-тематические группы произведений словесного творчества паштунов. Многие из того, что ими выявлено, было напечатано в Кабуле в течение 70-х годов [Там же, с. 6].

В 80-х гг. XX в. наступил качественно новый этап в самом характере и уровне изучения фольклорных традиций. В последних работах Мухаммад Ибрахима ‘Атаи, ‘Абд ал-Кайума Нурзая и других афганских учёных использовалась новая современная методология, опирающаяся на передовые исследования общих законов социально-экономического и культурного развития [Там же, с. 7].

В 1984 г. группой учёных-фольклористов Центра Языков и Литературы Академии Наук Афганистана был составлен и издан самый большой из известных сборников *ландэй* – «Пашту ландэй». Многие *ландэй* уже были знакомы по предыдущим сборникам, но были также включены и ранее неизданные. Общее количество включённых в сборник стихов составило 11158 *ландэй*. [Ландайха 1991, с. 8, 13]

Изучение фольклора паштунов в Пакистане началось со времени образования в 1954 г. в Пешаваре при местном университете историко-филологического общества, получившего название Пешаварская

Академия пашто. Научная организация аналогичного характера была открыта в 1972 г. в Кветте (Академия пашто Кветты). Основными объектами собирания и изучения пакистанскими фольклористами стали народные песни племени какаров (ими занимались Вали Мухаммад Сийал Какар и Фазл Ахмад Гази), племени марватов ('Абд ар-Рахим Маджзуб Марват), отдельные жанры – *ландэй* (Мухаммад Юнус Вафа и др.), *чарбайта* (Насрулла Наср). Особенности формирования и развития паштунской фольклористики в Пакистане определяются образованием в 1947 г. независимого государства Пакистан и появлением организаций различного уровня, начавших заниматься изучением языков и культуры региона [Гирс 1984, с. 7].

Среди новых публикаций, посвященных жанру *ландэй*, выделяется работа профессора исламабадского Университета «Ка'ид-и-'Азам» Ханифа Халила «Культура паштунов в паштунской тапэй» [Khalil 2011]. В этой работе автор подробно исследует культуру и народную словесность паштунов, на многочисленных примерах показывая, как в *двустихиях-ландэй* отражены социально-исторические, правовые, хозяйственные, бытовые реалии племенной жизни, а также религиозные и общественно-политические взгляды афганского народа. В книге Х. Халила приведено 190 *двустихий-ландэй* в транскрипции и переводе на английский язык (из них 122 стихотворения, цитируемых в основной части книги, сопровождаются текстами в афганской графике). Английские переводы являются в большей степени литературными и поэтому не всегда точно передают содержание оригинальных текстов на пашто. Основная, исследовательская часть книги состоит из шести глав, в которых рассматриваются и иллюстрируются соответствующими стихотворными примерами отдельные сферы жизни паштунов, в том

числе: общественная жизнь (78 ландэй), экономика (7 ландэй), религиозная жизнь (11 ландэй), войны и борьба за независимость (12 ландэй), повседневная племенная жизнь (8 ландэй), путешествия (6 ландэй).

Труды исследователей Афганистана и Пакистана включают как сборники образцов афганского фольклора, так и разносторонние научные исследования собранных фольклорных текстов. В этих исследованиях содержится ценный фактический материал, являющийся прочной основой для дальнейшего изучения фольклора на языке пашто.

1.3. Изучение афганского фольклора в СССР

В СССР первые сведения об афганском фольклоре появляются в 1927 г., когда Б. Пурецкий публикует в журнале «Новый мир» (№4) статью «Поэтическое творчество афганцев» [Пурецкий 1927], основанную на материалах вышеупомянутого французского ираниста Дж. Дармстетера.

Следующим, кто сделал весомый вклад в изучение фольклора паштунов, был М.Г. Асланов. В 1945 г. он подготовил диссертационное исследование «Афганский фольклор (сказки, песни, пословицы)» [Асланов 1945]. Это была одна из первых работ на русском языке, посвящённых устному народному творчеству афганцев. В диссертации М.Г.Асланова анализируются афганские сказки, песни, пословицы и поговорки, и даются их переводы на русский язык. Два года спустя, в 1947 г., в «Трудах МИВ» появляется ещё одна его статья, посвящённая изучению афганского фольклора в СССР [Асланов 1947].

В 1946 г. в №3 журнала «Звезда Востока» была опубликована небольшая статья Азиза Ниалло «Заметки об афганской литературе»

[Ниалло 1946]. По словам К.А. Лебедева, эта статья, к сожалению, не даёт достаточного представления о фольклоре паштунов [Лебедев 1997, с. 62].

В 1958 г. в СССР вышла в свет антология «Сказки и стихи Афганистана» [Сказки и стихи 1958]. Широкая масса читателей СССР получила возможность познакомиться с фольклором афганского народа. Кроме переводов афганских сказок и стихов на русский язык, выполненных К. Лебедевым, Ю. Семёновым, З. Калининой и др., в послесловии к сборнику, так же даются краткие сведения об афганской народной поэзии и изучении фольклора на языке пашто в целом.

В 60-е гг. XX в. появляются на свет две работы Н.А. Дворянкова: доклад под названием «Современная афганская поэзия» [Дворянков 1960] и диссертация на тему «Проблема народности в современной афганской (паштунской) поэзии» [Дворянков 1967]. И хотя в основном эти работы посвящены литературе пашто, определённая их часть касается фольклора афганцев и его влияния на книжную литературу. По словам Н.А. Дворянкова, это влияние проявляется не только в использовании поэтических образов и выразительных средств, присущих фольклору, но и в заимствовании ритмики и мелодики народного стиха, в обогащении рифмы, созвучий строк и внутренних ассонансов, которыми так богата народная поэзия.

Того же мнения придерживается сегодня М.С. Пелевин. В своей работе «Афганская литература позднего средневековья» [Пелевин 2010] и недавно вышедшей статье «Ранние образцы паштунского фольклора» [Pelevin 2015₁] он также отмечает присутствие фольклорных элементов с самого зарождения афганской литературы. Несмотря на яркое противопоставление литературы фольклору элементы устной

словесности просматриваются в стилистике, образности, некоторые популярные фольклорные жанры обрели вид классических жанров арабо-персидской литературы, а метрика письменной поэзии изначально основывалась на принципах афганского стихосложения, имеющего тоническую природу. [Пелевин 2010, с. 12]

Большую лепту в изучение афганского фольклора внёс К.А. Лебедев. В том же 1958 г. в сборнике «Вопросы языка и литературы стран Востока» он опубликовал статью «Афганская народная поэзия» [Лебедев 1958]. В 1972 г. К.А. Лебедев издал сборник «Афганские сказки и легенды» [Лебедев 1972], включивший волшебные и бытовые сказки, легенды и хикаяты. Работы К.А. Лебедева по литературе и фольклору пашто в 2003 г. вышли в отдельном томе: «Афганистан: язык, литература, этнография» [Лебедев 2003].

Существенный вклад в развитие афганской фольклористики внесли работы Г.Ф. Гирса. В 1963 г. совместно с А.С. Герасимовой он опубликовал очерк «Литература Афганистана» [Гирс 1963], в котором выступил автором раздела об афганском фольклоре. В своей монографии «Литература непокорённого народа» Г.Ф. Гирс исследовал устную и письменную словесность паштунов в период с середины XIX в. до 1947 г. [Гирс 1966]. Непосредственно фольклору паштунов посвящена его работа «Исторические песни пуштунов» [Гирс 1984]. В этой книге были собраны переводы более двухсот исторических песен паштунского народа разных жанров: *ландэй*, *нимакэй*, *багатэй* и др. Каждому жанру автором дана подробная характеристика. Основной темой собранных песен является борьба паштунов против британских колонизаторов. В исследовании Г.Ф. Гирса исторические песни паштунов впервые рассматриваются как историко-культурный феномен, корни которого

уходят в фольклорную традицию народа, но который при этом является уже продуктом индивидуального творчества.

Афганским фольклором и непосредственно двустишиями-*ландэй* занимались также филологи Таджикистана. Из ранних работ можно отметить два издания переводов *ландэй* на таджикский язык: в сборнике «Намуна-йи фулклур-и халкха-и Афганистан» («Образцы фольклора народов Афганистана»), вышедшем в 1966 г. (переводы Носирджана Ма‘суми и Холуфа); и в еженедельнике 1988 г. «Адабийят ва суннат» («Литература и традиция») (переводы *ландэй* Гутая Ховри и Шоди Ханифа) [Ландайха 1991, с. 13].

В 1991 г. Мухаммад Рахим Илхам и Додаджон Обидов опубликовали в Душанбе большой сборник *ландэй*, включив в него 527 двустиший [Ландайха 1991]. Издатели явно ориентировались на публикацию афганских ученых 1979 г. (см. выше), поскольку в своем сборнике они использовали почти такую же тематическую классификацию, сохранив названия для 13 рубрик и добавив 4 новые: «Любовь» (*mina*), «Родина» (*vatan*), «Примирение» (*puxlāina*), «Верность» (*vafā*). Оригинальные тексты *ландэй* на пашто сопровождаются здесь переводами на языки дари (Илхам) и таджикский (Обидов). В предисловии, которое также дублируется на дари и таджикском, дана общая характеристика жанра *ландэй* и упомянуты ранее публиковавшиеся сборники. По словам Мухаммада Рахима, главной целью этого издания является ознакомление носителей языков дари и таджикского с жанром *ландэй* как одним из наиболее популярных в паштунской народной поэзии.

2. Общая характеристика жанра ландэй

Афганская народная поэзия не только богата по содержанию, но и разнообразна по своим жанрам. Её можно разделить на необрядовую и обрядовую. К обрядовой поэзии относятся – свадебные, плясовые песни, заплачки и др., к необрядовой – *ландэй*, *нимакэй*, *багатэй*, *чарбайта*, и др.

Ландэй – один из наиболее популярных жанров афганской народной поэзии на языке пашто. Название жанра происходит от паштунского слова *land* (لند) «короткий», и оно говорит само за себя, поскольку *ландэй* – короткая песня-двустушие, предельно ёмкая по содержанию, доведённая до совершенства лаконичностью языка, стиля, изобразительных средств. Из нескольких *ландэй* могут составляться целые песни.

У этого жанра есть и другие названия. В Свате и в районах прилегающих к Пешавару он известен как *тана* (*tana*), в Нангархарской долине, Баджауре и среди племён момандов и вардаков известен под названием *такэй* (или *текэй*) (*takəu*, *tekəu*). Однако независимо от наименования жанра в различных паштунских районах, двустушия-*ландэй* везде сохранили неизменными свою поэтическую структуру, необычайно широкий тематический диапазон, способность немедленно откликаться на происходящие события. Будучи порождением коллективного творчества народа, *ландэй* отличались высокой степенью мобильности и с небывалой быстротой преодолевали большие расстояния, в короткий срок становясь общепаштунским национальным достоянием. [Гирс 1984, с. 33]

Сведений о том, когда зародился жанр *ландэй*, нет. Афганские исследователи высказывают предположение, что, самое древнее *двустиише-ландэй* относится к концу X – началу XI веков. Сохранилось предание о том, что в армии султана Махмуда Газнави (971–1030) был военачальник Халу, который якобы был родом из паштуского племени, жившего южнее хребта Сефидкух. И во время одного из походов Махмуда Газнави в Индию невеста Халу пела такие стихи-*ландэй*:

چه د خالو لښکري راغلي
زه به گومل ته (د) خپل يار ديدن ته ځمه

čə də xālu laṣkare rāyle
zə bə gumal-ta (də) xpəl yār didan-ta zəm-a²

Когда армия Халу прибудет,
Я пойду к [реке] Гомал, чтобы увидеть моего возлюбленного
[Khalil 2011, p. 38].

Этот стих был письменно зафиксирован лишь во второй половине XX века, и мнение о том, что он относится к средневековому периоду, основано лишь на устной традиции. По мнению М. С. Пелевина, первое зафиксированное *двустиише-ландэй* мы находим в «Хаттакской хронике». Афзал-хан, внук основоположника афганской национальной литературы Хушхал-хана, приводит это *двустиише* в своём дневнике летом 1711 г. В это время на волне очередного вооружённого конфликта между моголами и паштунскими племенами обострилась борьба за власть внутри хаттакского племени. Бахрам-хан, сын Хушхала и дядя

---

² В цитатах используется транскрипция, отражающая современную фонетику афганского языка.

Афзала, совместно с несколькими юсуфзайскими кланами выступил против своего племянника. Командиром юсуфзаев был Джамал, чей отец, Хамза-хан Юсуфзай, был в своё время в ссоре с Хушхал-ханом. Отряды Бахрама и Джамала победоносно пройдя по северным землям хаттаков дошли до Акора-Сарая, резиденции хаттакских правителей. Афзал был вынужден уйти со своими людьми в горы, на юг хаттакских земель. Повествуя об этих событиях Афзал приводит такие слова: «Они [союзники Бахрама] были настолько рады этим грабежам и распутству, что даже пели песню (*sandəra*) об этом. В этой песне эти трусы восхваляли Джамала. Вот, что они пели:

د خدای رحمت په جمال خان شه
فلانه یې واراوه تر لویو- لویو غرونو

də xdāy rahmat pə jamāl xān ša
flāna-ye wārawə tər loyo-loyo ɣruno

Пусть Бог будет милосердным к Джамал-хану,
Он прогнал такого-то (Афзал-хана) высоко-высоко в горы».

Хотя Афзал-хан называет это двустишие просто песней (*sandəra* является общим названием для паштунских фольклорных стихов), её метрика, как полагает М. М. Пелевин, показывает, что это не что иное, как типичное двустишие-*ландэй* [Pelevin 2015₁, p. 486-488].

Важной особенностью *ландэй* является то, что в этих стихах отражены социальные, психологические и культурные ценности паштунского народа в разные периоды его истории. Затрагивая этот вопрос, профессор Академии Пашто Пешаварского Университета

Мухаммад Наваз Та'ир пишет: «С самого начала стихи-*ландэй* изображали среду паштунов, передавали мысли и эмоции простых людей. Эта особая форма поэзии является отличительной особенностью народной литературы на языке пашто. Это продукт народного творчества. И именно поэтому ни один поэт или певец не может обладать авторским правом на эти стихи. Каждый человек может петь *ландэй* в любом месте и в любое время; в этом заключается особенность этих стихов. *Ландэй* – это реальная картина, отражающая внутренний мир паштунов. Это голос каждого сердца, независимо от статуса человека, от того, богат он или беден, грешен или невинен. Одной отличительной чертой этого жанра является то, что он всегда несёт отпечаток перемен в паштунском обществе» (цит. по: Khalil 2011, p. 40-41).

Ссылаясь на работы предшественников, Г. Ф. Гирс так характеризует народную поэзию пашто: «Известный советский учёный М. Г. Асланов, а также афганский литературовед Сулейман Лаик отмечают отсутствие в народной поэзии на пашто панегирических мотивов, хвалебных од и гимнов; слабое влияние на фольклорные жанры оказали, по их мнению, схоластические идеи суфизма и древней философии. Ясность сюжета, четкость мысли, выразительная форма и глубокая содержательность – вот что прежде всего характерно для большинства поэтических произведений афганского фольклора» [Герасимова, Гирс 1963, с. 21-22].

Народная поэзия афганцев вообще имеет богатое разнообразие тем: любовь, расставание, путешествия, мужество, Родина и т.д. Есть и сатирические стихи, вобравшие в себя народный афганский юмор. Можно обнаружить и нравоучительные песни, в которых старшее поколение делится своим опытом.

В стихотворных миниатюрах-*ландэй* живо и естественно отражается весь мир чувств и переживаний паштунов. Можно увидеть всё: от любовной лирики и злой сатиры, от различных шуток до серьёзных философских размышлений; наполненные скорбью и гордостью стихи о павших в бою и гневные речи о трусах, бежавших с полей сражений. Г.Ф. Гирс пишет: «Многие двустишия-*ландэй* стали крылатыми фразами и вошли в речь афганцев. Современные писатели охотно вплетают *ландэй* в ткань своих художественных произведений и публицистических статей» [Там же, с. 24].

Народные песни передавались из уст в уста, из поколения в поколение и всегда были очень популярны. Авторы народных песен неизвестны. Но следует принять во внимание одно важное обстоятельство: подавляющее большинство произведений народной поэзии принадлежит женщинам и повествует об их нелёгкой жизни в условиях традиционного племенного общества.

Стоит особо отметить тот факт, что в отличие от профессиональной литературы, в развитии афганского фольклора особую роль сыграли именно женщины. В народной поэзии подавляющее большинство произведений принадлежит женщинам, а некоторые жанры, например *ландэй*, можно назвать «женскими». Их поют и сочиняют в большинстве своём женщины. И этим, вероятно, объясняется экспрессивность слога песен, эмоционально насыщенная окраска их содержания, а также господство в них мотивов любовной лирики.

В двустишиях-*ландэй* видны совершенно разные жизненные ситуации, в которых оказывается женщина. Многие стихи затрагивают проблемы внутрисемейных отношений:

زما په تا پسي رنگ زېر شو
کم عقله مور مي د زېري دارو کوينه

zāmā pə tā pase rang zyār šu
kamaqla mor-me də zyari dāru kavi-na

Я из-за тебя стала нездоровой³,
А моя наивная мама лечит от этой "болезни".

د بني غېر راباندي وشو
لكه بودی په تناره خمسوزه شومه

də bane yağ rābānde wušu
laka doḡəy pə tanārə xamsoza šwəm-a

Я услышала о другой жене
И словно хлебная лепёшка в тануре осталась недожаренной.

دا سخر مي نمر خوابني سپورمي ده
د قطب ستوري مي چنگول ورسيدمه

dā sxər-me nmar xwāxe spogmāy da
də kotəb storay-me čanyol wurasedəm-a

Мой свёкор [словно] солнце, а свекровь – луна.
Мой жених – Полярная звезда, я пришла [к нему].

Ещё более живописно женщина изображена как возлюбленная: то,
как она любит, и как это трудно для нее любить в связи с ограничениями,

---

³ Букв. «пожелтела».

налагаемыми на нее этическими нормами традиционного паштунского общества:

باران د زمکي آبادي ده
شیرینه یاره زه په تا آباډه یمه

bārān də zməke ābādi da
širina yāra zə pə tā ābāda yəm-a

Дождь – благо для земли,
О сладкий возлюбленный, я благоденствую благодаря тебе.

د ستا د دوو سترگو د پاره
د کلي جنگ د مور خبرې تيرومه

də stā də dwo stərgo də pāra
də kəli ǰang də mor xabəre teravəm-a

Ради твоих глаз
Я терплю неприязнь деревни и слова матери.

د ستا د دوو سترگو د پاره
ما ترې شاکري مور او پلار کشري ورونه

də stā də dwo stərgo də pāra
mā tre šā kəre mor aw plār kəšri wruna

Ради твоих глаз
Я отвернулась от матери, отца и младших братьев.

Кроме того, в двестиших-ландэй показан и воинский дух паштунок. В основном они призывают мужчин отправляться на войну, проявить честь и мужество:

په ناموس ننگ، په وطن جنگ دی
د وطن جنگ ته په غورځنگ ورځه، مینه

pə nāmus nang pə vatan ĵang dəy
də vatan ĵang-ta pə ɣurɯang varza maɣən-a

Война и за честь, и за Родину.
Любимый, скачи на войну за Родину.

که تور اوربل مي ميراثيري
د وطن جنگ دی، جانان نه منع کومه

ka tor orbəl me mirasegi
də vatan ĵang dəy ĵānān na man'a kavəma

Если чёрную челку я унаследовала
Любимому не препятствую, [ведь] война за родину.

Но встречаются и примеры, в которых мы видим, как паштунки сами готовы взяться за оружие:

ورور ئي غزا(ته) روان يري
خور ئي په توره لاس وهي ورسره ځينه

wror-ye ɣazā (-ta) ravānegī
xor-ye pə tura lās wahi war-sara zi-na

Её брат отправляется на священную войну,
Его сестра берет клинок в руки и идёт с ним.

د تورو جنگ وای، ما به وکرای
د نصیب جنگ دی، وار خطا ولاړه یمه

də turo ǰang vāy mā bə vukṛāy
də nasib ǰang-dəy vārḫatā valāra-yaṁta

Была бы битва на саблях, я бы сразилась.
[Но] битва за судьбу, [и поэтому] я стою в растерянности⁴.

Конечно, строго говоря, жанр *ландэй* нельзя назвать чисто «женским», поскольку имеется ряд произведений, составленных и исполняемых мужчинами. Например:

اسمان په ستورو بڼه بڼکار پيري
لکه ليله چې په مخ اووهي خالونه

āsmān pə storo ǰə ǰkāregi
laka layla čə pə təx uvahi xāluna

Небо прекрасно благодаря звёздам,
Как Лейла, лицо которой украшено родинками.

په دنيا دوه شيه مزه کا
يا سپينه خوله، يا د بورې توپک غرونه

pə dunyā dva šaya maza kā
yā spina xwla yā də buṛi ʈopak yaǰuna

⁴ В этом двустишии скорее всего говорится о «битве» за любовь, за жениха. В данной ситуации решение остаётся за родителями. Поэтому героиня этого стиха «в растерянности».

Две вещи в мире приятны
Или белые уста [любимой], или звуки ружья.

Нет определённого места и времени, когда можно петь *ландэй*. Они могут исполняться на каком-либо мероприятии под звуки традиционных музыкальных инструментов паштунов «рабаб» и «мангай», во время дороги, чтобы скоротать время, и за монотонной работой, чтобы как-то отвлечь себя.

Наиболее существенным формальным отличием афганской поэзии является её силлабо-тоническая метрика. *Ландэй* состоит из двух стихов с постоянным количеством слогов. Первый стих состоит из 9 слогов, второй – из 13-ти. Иногда, в случае недостаточного количества слогов, к последнему слогу стиха добавляется краткое *a* или *na*.

В разных племенах и различных районах *ландэй* имеет свою особую мелодию, ритмику и манеру исполнения. Известны следующие типы: *тирахи* (область Тираха), *шалгари* (между Келатом и Кандагаром), *гармсири*, *пешавари*, *кандагари*, *вардаки* (по названию племени вардак). Желаящий исполнить *ландэй* на мотив и манер другого района или племени, а также на свой собственный манер, сопровождает пение возгласами: «вā, вā, вā», «хай, хай, хай» и др. Есть и *ландэй* осложнённые рефреном и обращением. Они обычно исполняются в пути, во время танцев, как плясовые песни [Лебедев 2003, с. 402-403].

В двустушиях-*ландэй* используются различные структурные элементы, которые исполнители любят использовать с целью разнообразить эти стихи. Можно выделить несколько наиболее часто встречающихся элементов:

1. Обращение в начале или конце стиха:

په سپين ميدان به در سره يم
زه پښتنه د تورو نه تبتتم مئینه

pə spin maydān bə dar-sara yəm
zə paxtana də turo na taxtəm mayəna

Я буду с тобой на поле боя

Я – паштунка, не бегу от мечей, о любимый

2. Добавление в конце строки заударного слога *a* (или *na*), присоединяемого, как правило, к личным глагольным формам:

په ذوالجلال مي دي قسم وي
ستا جدائي ملک الموت دے روح مي ورينه

pə zuljalāl-me de qasam vi
stā jūdāyi malak ul-mawt dəy ruh-me wri-na

Клянусь тебе Всевышним,

Разлука с тобой – ангел смерти, [который] уносит мою душу

3. Словесные повторы:

بيگاه ته غله غله راشه
لكه لښتي كښي اوبه غلي غلي ځينه

begāh-ta ḡalay-ḡalay rāša
ləka laxti kxe obə ḡale-ḡale zi-na

Сегодня вечером тайно приходи,
Как вода, которая тихо журчит в ручейке.

4. Присутствие всех (или почти всех) элементов усложнения, упомянутых выше:

آخر به وړان شي پېناوره
د ننگرهار نجوني بڼى را درته كوينه

āxir bə vrān še peḡavara
də nangarhār nḡune xerā dar-ta kavi-na

О Пешавар, в конце концов ты будешь разрушен,
Девушки Нангархара проклинаяют тебя.

В качестве вывода можно отметить, что *ландэй* является зеркалом, отражающим всевозможные аспекты жизни паштунов. Мы можем с большой долей уверенности утверждать, что при изучении культуры паштунов, их образа жизни и их ценностей, *двустишия-ландэй* могут и должны использоваться в качестве аутентичных документальных источников.

3. Социально-историческая и национально-патриотическая тематика в ландэй

Для изучения народной поэзии очень важно знать историю этого народа, понимать его общественные ценности и образ жизни. И наоборот, без самой народной поэзии нельзя познать и понять историю, традиции и культурные ценности. Афганские народные *двустишия-*

ландэй, несмотря на свою исключительную краткость, очень точно и многогранно иллюстрируют богатую историю и культуру, а также живые реалии повседневного быта паштунского народа.

3.1. Исторические мотивы

В текстах *ландэй* нередко встречаются имена известных исторических деятелей, сыгравших значительную роль в национально-освободительной борьбе паштунского народа. Одной из таких фигур является Байазид Ансари (Пир Рошан) (ум. ок. 1672), крупный духовный наставник XVI в., основатель движения *рошанийа*, один из зачинателей письменной литературы пашто. Если поначалу движение рошанитов носило лишь религиозный характер, то в последние годы жизни Байзида Ансари оно стало более воинственным. Возможно, что всё началось с участия рошанитов в традиционных для афганских племён разбойных нападениях на торговые караваны. Недруги Байзида, в частности его главный идейный оппонент, суннитский богослов-традиционалист Ахунд Дарвеза, обвиняли его в подстрекательстве к подобным действиям, хотя вполне вероятно, что Байазид лишь находил различные идеологические обоснования этим нападениям. В открытый вооружённый конфликт с могольскими властями участники рошанитского движения вступили после того, как фанатичные последователи Байзида из одной деревни в окрестностях Канигурама напали на шедший из Индии караван. Это событие послужило поводом для могольских властей расправиться с движением рошанитов и укрепить свою власть над племенами Паштунистана. В первом вооружённом столкновении, которое произошло в местечке Тота,

Байазид и его сподвижники одержали верх над могольским отрядом. Но во втором столкновении, в местечке Торрага, могольский отряд во главе с Мухсин-ханом Гази разбил людей Байазиды. Сам Пир Рошан бежал в горы, где вскоре умер. По одним источникам это произошло в 1572 г., по другим – в 1577/1578 г. [Пелевин 2010, с. 55-57]. Отзвуки этих событий сохранились в афганском фольклоре, например в таком двустишии-ландэй:

د مغل ظلم به نسکور شي
چي پير روښان توره په لاس جنگ له ورځينه

də muḡal zuləm-bə naskor ši
če pir roḡān tura pə lās jaṅg-lə varzi-na

Гнёт моголов будет свергнут,

Ибо Пир Рошан с саблей в руке идёт на войну [Khalil 2011, p. 119].

Следует отметить, что в этом двустишии явно звучат патриотические мотивы, выраженные в недовольстве имперской властью иноземцев («гнёт моголов») и вере в том, что под руководством народных героев, подобных Байазиду Ансари, паштуны смогут избавиться от господства внешних сил.

Ключевыми этапами национально-освободительной борьбы паштунов стали три англо-афганские войны в XIX – первой четверти XX в. В ходе первой англо-афганской войны (1838-1842) англичанам не удалось установить контроль над Афганистаном. Упорное сопротивление народов Афганистана не позволило превратить страну в колонию

Великобритании. Итоги второй англо-афганской войны (1878-1880) были несколько иными. После упорной вооружённой борьбы англичане вывели свои войска, добившись лояльности кабульского правительства ‘Абд ар-Рахмана. Причиной третьей англо-афганской войны было восшествие на афганский престол в феврале 1919 г. Амануллы-хана, который объявил о ликвидации политической зависимости страны от Великобритании. Итогом войны, длившейся с 3 мая по 8 августа, стало подтверждение «линии Дюранда» — политической границы, разделяющей Афганистан и Индию. Британское влияние в регионе уменьшилось, и афганцы смогли вернуть контроль над своей внешней политикой.

Безусловно, тема многолетнего противостояния с англичанами не могла не найти широкого отражения в фольклоре. В текстах стихов-*ландэй* можно обнаружить упоминания о различных реальных исторических событиях, связанных с англо-афганскими войнами, например:

چرته لندن چرته چترال دے
بے ننگي زور شوہ انگریزان چترال ته خينه

čarta landan čarta čitrāl-dəy

binangi zor šva angrizān čitrāl-ta zi-na

Где Лондон, где Читрал⁵?

Бесчестие обрело силу, англичане идут на Читрал.

⁵ Читрал – горная область в северо-западной части п-ова Индостан, граничащая с хребтами Гиндукуша и Памира.

Эти строки в виде *двустипшия-ландэй* появились после 1895 г., когда англичане предприняли захват Читрала и прилегающих к нему с юга территорий. Г.Ф.Гирс отмечает, что эти же строки встречаются в стихотворении жанра *нимакэй*, посвящённом событиям начального этапа второй англо-афганской войны [Гирс 1984, с.192].

Нередко в *ландэй* упоминается селение Майванд, расположенное в 55 км к северо-западу от Кандагара, где в годы второй англо-афганской войны разыгралось одно из главных сражений. Оно длилось один день (28 июля 1880 г.) и завершилось полной победой объединённых сил афганских регулярных частей и племенного ополчения. Этот день навсегда вошёл в историю страны. Память о героях этой битвы хранят кабульский проспект Майванда с сооружённым в его центре обелиском, памятник в Кандагаре, а так же названия улиц афганских городов, учебных заведений.

ته په ميوند كې ځان شهيد كړه
زه به خپل شال ستا په زيارت وغورومه

tə pə mayvand-ke zān šahid kṛa
zə-bə xpəl šāl stā pə zyārat vuṣvaṛavəm-a

В Майванде пожертвуй собой!

А я свой платок расстелю на твоей могиле.

Немало песен посвящено боям у крепости Спинмайдан (её так же называют Спинбулдак) во время третьей англо-афганской войны. В ходе боёв из 600 защитников гарнизона крепости, расположенной на юге провинции Кандагар, 414 человек погибло, 169 раненых попали в плен и

лишь 17 попытались отступить [Гирс 1984, с. 202]. Как видно из этого двустихия, в обороне крепости участвовали и мужчины и женщины:

پر سپین میدان به در سره یم
زه پښتنه له توري نه ترپلم، مینه

pər spin maydān-bə dar-sara-yəm
zə paḫtana lə ture na trap(ə)ləm mayən-a

Я буду с тобой в Спинмайдане,
Любимый, я – паштунка и от клинков не бегу.

Паштунский фольклор не обошёл вниманием и другое важное событие XX века – Кашмирский конфликт, разгоревшийся в 1947 г.

په پاک الله زما باور دے
حکھ په تش لاس د کشمیر غزا له خمه

pə pāk allāh zətā bāvar-dəy
zəka pə təš lās də kašmir yazā-lə zəm-a

Верую я в пречистого Аллаха,
И потому на священную войну в Кашмир пойду [хоть] с пустыми руками.

Причиной этого конфликта стал раздел Британской Индии. Во время раздела в августе 1947 г. в княжестве Джамму и Кашмир правил

махараджа Хари Сингх, индуист, в то время как большинство его подданных были мусульманами. В нескольких районах княжества вспыхнуло восстание против махараджи. Затем, 21 октября 1947 года ополчение паштунских племён афридаев, юсуфзаев и масудов, а потом и другие «пакистанские добровольцы» вторглись в Джамму и Кашмир на помощь восставшим. 24 октября 1947 г. на занятой ими территории было провозглашено создание суверенного образования Азад Кашмир («Свободный Кашмир») и его вхождение в состав Пакистана. В ответ на это махараджа заявил о присоединении Кашмира к Индии и обратился за военной поддержкой к индийскому правительству. Кашмирский конфликт, в который была втянута и КНР, как известно, не урегулирован и по сей день.

К числу фольклорных героев афганского народа, кроме уже упомянутых выше Байзида Ансари и легендарного военачальника по имени Халу, служившего Махмуду Газнави (см. гл. 2), относится также часто упоминаемый в стихах-*ландэй* Рахмдада (Рамдад), представитель знатного рода юсуфзаев:

رامداد دې دا واري خداي روغ کړي
که دوباره پۀ کفر جنگ وي مړ دې شينه

rāmdād-de dā wāre xdāy roy kri
ka dubāra pə kufər ĵang wi mər-de ši-na

Пусть в этот раз Бог исцелит Рамдада,
Если снова будет война с неверными, пусть [тогда] он и погибнет!

Целая серия двустиший-*ландэй* посвящена гибели Рахмдада, однако обстоятельства этого события из текстов стихов не совсем ясны. По одной версии, Рахмдад погиб в сражении под Малакандом⁶ в 1897 г. По другой версии, Рахмдад был убит в 1895 г. на джирге юсуфзайского клана ранизаев. Во время обсуждения вопроса об организации сопротивления англичанам подкупленный врагами слуга якобы внёс раскол среди присутствующих. Во вспыхнувшей ссоре и погиб Рахмдад [Гирс 1984, с. 208].

В стихах-*ландэй* встречается также упоминание о герое по имени Бахт Мунир, но идентифицировать эту историческую личность пока не удалось:

همزولو بيا هغه ماڻهه نام دے
د بخت منير د جرمني تقار راڻينه

hamzolo byā haya māxām-dəy
də baxt munir də jərmanəy taqār rāzi-na

Снова тот вечер, о сверстники,
Снова доносятся звуки [выстрелов] немецкой винтовки Бахт Мунира.

Следует согласиться со словами Г.Ф. Гирса о том, что если собрать воедино тысячи стихотворений, веками слагавшихся неизвестными поэтами о народных героях и их подвигах, созданная таким образом антология окажется исключительно полезным и достоверным

⁶ Малаканд – область и населенный пункт на севере современного Пакистана; в 1897 г. размещенный здесь британский гарнизон был атакован войском паштунских племён, возглавляемых духовным лицом по имени Са’идулла.

источником по истории афганского народа, наполненной его длительной, самоотверженной борьбой за свободу [Гирс 1963, с.22].

3.2. Отражение принципов «Паштунвали»

Многие элементы образа жизни паштунов являются типичными для традиционных обществ, где в социально-правовых отношениях доминируют нормы, обусловленные родоплеменным характером общественного устройства. Однако есть некоторые элементы, присущие лишь паштунскому образу жизни, отличают культуру этого народа от культур других народов мира. Основопологающим сводом нравственно-этических и социально-правовых правил паштунов является «Паштунвали». Востоковеды определяют «Паштунвали» как свод обычного права паштунов, неписанный кодекс, охватывающий все основные аспекты их жизни. Один из афганских просветителей XX в. Шах Мухаммад Мадани 'Аббаси в одной из своих работ пишет: «Паштуны – древняя нация, имеющая свой собственный специфический кодекс жизни. Кодекс называется «Паштунвали». Он передается из поколения в поколение, что очень важно для стабильности и развития паштунского индивидуализма и национализма. Они не отказываются от обычаев предков. Но нельзя отрицать тот факт, что последние социальные, экономические и социологические изменения влияют и на паштунов и на городских жителей, которые отходят от «Паштунвали». Однако сельские и племенные районы, которые расположены далеко от городов, по-прежнему соблюдают эти правила и предписания. Эти обычаи влияют на всю их жизнь. Они влияют даже на их язык и литературу» (цит. по: Khalil 2011, p. 21-22).

Разумеется, основные принципы «Паштунвали» отражены в народной поэзии, в частности в произведениях жанра *ландэй*.

3.2.1. Принцип *нанг*

Ключевым морально-этическим компонентом «Паштунвали» является понятие *нанг* (честь, репутация). Можно утверждать, что это понятие составляет сущность «Паштунвали». Принцип *нанг* имеет двоякую направленность. Во-первых, *нанг* требует защиты собственной чести. Во-вторых, этот принцип распространяется и на других членов общества. Немецкий исследователь Л. Жехак пишет: «Честь паштуна в значительной мере опирается на принадлежность к тому или иному роду, племени. Далее, паштун имеет в своём клане союзников, которые поддерживают его в трудных ситуациях. А вне этой системы родовых союзов нет жизни, ибо человек без родословной – человек без союзников. Поэтому *нанг* требует безоговорочной и героической защиты чести своей семьи, своего рода, племени или даже всего народа» [Жехак 1989, с. 60].

В результате многочисленных конфликтов и вооружённых столкновений, которыми наполнена история афганского племенного общества, у паштунов сформировались представления о первостепенной важности таких качеств, как мужество, героизм, стойкость против превосходящих сил противника. Неписанные правила воинской доблести, устоявшиеся представления о долге и чести, наряду с суровым осуждением любых проявлений малодушия, трусости, предательства, составляют суть *нанга* [Катков 1989, с. 41-42]. Соответственно, и в народном творчестве паштунов демонстрируется этот принцип:

هدد وي هر مي به توتيه ننگ د
كه پس له مړيني پر مزار راشي، مينه

də nang ʈoʈa-bə-me har haɖ vi
ka pas lə mɾine pər mazār rāše mayəna

[Увидит, что] каждая моя кость – кусочек чести;
Если после смерти придёшь на [мою] могилу любимый.

بي ننگي تا وکره جانانه
د جينکو پېغور دي ماته پر بېنودنه

benangi tā vukra jānāna
də jīnako peyōr-de mā-ta prexūdā-na

Любимый, ты поступил позорно,
Оставил меня с упрёками от девушек.

يو لور ته ننگ بل لور ته مرگ دي
مرگ مي قبول دي بي ننگي نه قبلومه

yaw lor-ta nang bəl lor-ta marg dəy
marg-me qabul-dəy binangi na qablawəm-a

С одной стороны – честь, с другой стороны – смерть,
Смерть я приму, бесчестие не принимаю.

تور په رنجك، سور شي په وینو
سالم په تن، بي ننگه رامه شي، مينه

tor pə ranjak sur še pə vino

sālim pə tan benanga rā-ma-še maṭən-a

Стань чёрным от пороха, красным от крови,
[Но] телом здоровый не приходи опозоренным, любимый.

Из этих строк мы видим и призыв, и готовность блюсти принцип *нанг* до конца, до смерти. В таких стихах женщины предупреждают своих возлюбленных о том, что они будут ждать их возвращения с войны, только если те не нарушат принцип чести. Поскольку лишь такие люди достойны того, чтобы их помнили и восхваляли в стихах.

3.2.2. Принцип *намус*

Это понятие определяет положение женщин в паштунском обществе и отношение к ним паштунов. Согласно афгано-русскому словарю понятие *намус*, с одной стороны, имеет значения «честь», «доброе имя», «совесть», и, с другой стороны, «женская половина семьи». Двойной смысл этого термина можно объяснить таким образом: жена для каждого паштуна представляет собой *намус*, и защита этого *намуса* (т.е. защита и оберегание своей жены) считается священным долгом. И в каком-то смысле *намус* означает не только честь жены, но ещё и честь мужа [Жехак 1989, с. 63].

Именно поэтому понятия *нанг* и *намус* близки и связаны друг с другом в сознании паштунов, что вполне логично: там где защита чести рода, племени, там и защита своей жены. В народных стихах *ландэй* принцип *намус* находит такое отражение:

په ناموس ننگ، په وطن جنگ دی
د وطن جنگ ته په غورځنگ ورځه، مینه

pə nāmus nang pə vatan ĵang-dəy
də vatan ĵang-ta pə yurʒang varʒa mayən-a

Война и за честь, и за Родину.

Любимый, скачи на войну за Родину.

په وطن جنگ وکړه شهید شه
تاریخ به ستا په ننگ - ناموس فخر کوینه

pə vatan ĵang vukra šahid ša
tārix-bə stā pə nang-nāmus faxr kavi-na

Иди на войну за Родину и [если надо за неё] умри,

И история будет гордиться тобой за твою честь.

3.2.3. Принцип *бадал*

Ещё одним важным положением «Паштунвали» является принцип *бадал* (воздаяние, месть, компенсация). *Бадал* может трактоваться как месть за причинённое зло и благодарность за добро. Обязанность воздаяния за зло ложится не только на отдельного мужчину, но и на его семью, род и племя. *Бадал* как возмещение за зло не всегда требует пролития крови, но является обязательным, поскольку его цель не столько эквивалентное восполнение урона, сколько восстановление собственной репутации в глазах общественности.

Этот принцип действует как в мирное время, так и в военное. Отомстить за погибших товарищей – это долг для настоящего паштуна. В

приведённом ниже двустигийи-ландэй женщина говорит своему возлюбленному о необходимости блюсти этот принцип:

د شهيدانو بدل واخله
بيا مي ڪوه د سيني تخت باندي خوبونه

də šahidāno badal vāxla
byā-me kava də sine taxt-bānde xobuna

Отомсти за погибших,
Затем мечтай о том, чтобы лежать у моей груди.

3.2.4. Принцип *гайрат*

Понятие *гайрат* является одним из наиболее широких понятий «Паштунвали» и включает в себя целый ряд значений, в числе которых чувство собственного достоинства, самоуважение, гордость, рвение, усердие, доблесть, смелость, негодование, возмущение, скромность. По мнению Л. Жехака, можно считать, что «*гайрат* обобщает все требования и ценностные представления паштунского этикета» [Жехак 1989, с. 71].

د ننگ غيرت ميدان ڪي مر شه
چي جيئڪي دي په گودر توصيف ڪوينه

də nang ɣayrat maydān-ke mər ša
če jīnkəy-de pə gudar tavsif kavi-na

Умри за честь и достоинство на поле боя,

Чтобы девушки у брода [на реке]⁷ восхваляли тебя.

تن مې وطن، مخ مې غيرت دی
سترگې مې توري د دښمن سينه وهينه

tan-me vatan mæx-me ŷayrat-dæy
stærgə-me ture dæ duxman sīna vahī-na

Тело моё - Родина, лицо моё – гордость,
Глаза мои - клинки, бьющие в грудь врага.

3.2.5 Принцип *тура*

Воинственный дух паштунов, их самоотверженность находят своё выражение в принципе *тура* (мужество, храбрость, доблесть). Само значение слова *тура* – «меч». Таким образом, соблюдение этого принципа – это проявление доблести и отваги на поле боя. Этот принцип связан не только с боевым духом паштунов, но и с их свободолобием [Жехак 1989, с. 61].

توره به نكري، نو به څه كړي
چی سپين مروند دي زه تر سر لاندي كومه

tura-bæ nakre no-bæ cæ kre
če spin mærvand-de zæ tær sar-lānde kavæm-a

Если ты не проявляешь мужество доблесть, что будешь делать [для того],
Чтобы я свою белую руку⁸ положила под твою голову.

⁷ Мелководье реки – место, где обычно встречаются женщины деревни, выполняя различные хозяйственные обязанности.

⁸ Букв. «запястье».

که توره نکړئ، نو به څه کړئ،
چی مو شیدې د پښتنې رودلي دینه

ka tura nakṛəy no-bə cə kṛəy
če mu šide də paḫtane ravidali di-na

Если вы доблесть не проявляете, что вам делать?
Ведь мы вскормлены молоком паштунки.⁹

Паштуны карают смертью того, кто бежит от противника. После битвы они собирают павших товарищей, чтобы оказать им последние почести. Но они оставляют непогребёнными тех, у кого имеются раны на спине, поскольку это считается признаком трусости, свидетельством бегства от врага.

جانانه جنگ نه پر شانہ شي
چی د همزولو راله نه شي پېغورونه

jānāna jang-na pər šā na še
če-də hamzolo rāla na ši peyoruna

Не стань тем, у кого война за спиной,
Чтобы от сверстников не было мне упрёка.

برغ شو جانان يې پر کت راوړ،
زړه مې په پرشو چی پر شأ نه وي ټپونه

gaḡ šu jānān-ye pər kaṭ rāvor

---

⁹ В этом двустишии под словами «вскормлены молоком паштунки» скорее всего подразумевается то, что с самого раннего детства паштуны должны воспитываться в соответствии с духом и буквой «Паштунвали».

zrə te pə par šu če pər šā na vi¹⁰ ʔaruna

Раздался крик, что принесли любимого на кровать [раненого].

Сердце моё затрепетало: хоть бы не было на спине ран!

3.3. Патриотические мотивы

Основой и стержнем национального самосознания пуштунов является их генеалогическая традиция. В дошедших до нас письменных и устных источниках она выступает в виде идеи общего происхождения всех паштунских племен, кланов и семей от легендарного прародителя Кайса ‘Абд ар-Рашида и его трёх сыновей. Представления об общности происхождения, родственных связях и Родине имеют жизненно важное значение для правильного понимания исторических корней национального сознания пуштунов [Pelevin 2015₂, p. 118].

В литературе пашто к национально-патриотической тематике первым обратился Хушхал-хан Хаттак (1613-1689). Конечно, в его произведениях нет прямых заявлений о паштунском национальном единстве, тем более в русле какой-либо государственно-политической идеологии. Самыми отличительными из его высказываний являются те, где он с гордостью говорит о паштунах, как об одном организме, и считает себя частью этого организма.

Тексты «Хаттакской хроники», составленной Афзал-ханом Хаттаком, указывают на то, что к началу XVIII в. многозначное слово *vatan* («Родина») стало довольно часто встречаться в языке паштунских племенных вождей. В общем употреблении оно обозначало племенную

---

¹⁰ В данном двустишии возможно употреблена форма условно-желательного наклонения *vaу*

территорию, родовое владение, наследуемый земельный участок, до некоторой степени являясь синонимом понятия *mulk* («земельное владение»), и так называемую «малую» Родину, место рождения и жительства. Такое понимание термина *vatan* показывает, что племенной уровень сознания ещё преобладал над общенациональным, но значение этого термина уже включало в себя понятие «большой» Родины, т. е. страны всех паштунов – Пахтунхва [Там же, р. 137].

Переломным моментом в истории паштунов, способствовавшим более широкому пониманию понятия *vatan*, можно назвать моголо-афганскую войну 1672-1676 гг. Хотя эта война по своим причинам, целям и самой природе была только стандартным эпизодом в непрекращающихся вспышках феодальных конфликтов между раздробленными племенами и имперскими властями, Хушхал-хан однозначно провозгласил её как общенациональную антиимперскую борьбу за свободу. В своих национальных и патриотических стихах этого военного периода Хушхал Хан говорит о пуштунах как о едином народе [Там же, р. 130].

Произведения Хушхал-хана и его потомков, а также другие письменные и более поздние устные свидетельства указывают на то, что к началу 18-го века представления об этническом единстве играли важную роль в мировоззрении пуштунов, по крайней мере, среди отдельных представителей военно-административной элиты. Использование, хотя и ограниченное, термина *vatan* со значением «большая», «единая» Родина говорит о том, что в паштунских племенах в это время уже стала складываться необходимая идеологическая почва для создания афганской национальной государственности [Там же, р. 127].

Позднее, во многом в результате англо-афганских войн XIX-XX вв., национальная и патриотическая поэзия стала неотъемлемой частью литературы и фольклора паштунов.

В двестиших-ландэй понятие *vatan* встречается очень часто, но в силу краткости текстов этой поэтической формы, как правило, трудно сказать, означает ли оно «малую» Родину, например территорию какого-либо племени, или же «большую» Родину, т.е. целое государство:

وطن يو داسي ټينگ اشنا دی

که زه یې پرېردم دی مې نه پرېردی مینه

vatan yaw dāse ɥing ašnā-dəy

ka zə ye pregdəm day-me na pregdī mayəna

Родина – такой надёжный близкий друг,

[Что] когда я её покидаю, о любимый, она меня не покидает.

وطن د پلار - نیکه میراث دی

د پلار - نیکه میراث په سرو وینو ساتمه

vatan də plār-nikə mirās-dəy

də plār-nikə mirās pə sro vino sātəm-a

Родина - наследство предков.

Я защищаю наследство предков [своей] кровью.

پر وطن نیمه ډوډی بڼه ده

نه په پردي وطن کې غوښي پلاوونه

pər vatan nima ɖoɖəy xə-da

na pə pradi vatan-ke yvaḥe pulāvuna

На Родине и половина хлеба хороша;
Не так, как на чужбине мясо и плов.

Тем не менее во многих случаях речь в патриотических
двустихиях идет именно о любви к «малой» Родине, гордости за неё,
противопоставления своей земли чужой:

کابل زما زه د کابل یم
که سر می لار شی کابل نه پرپر دم مینه

kābəl zətmā zə də kābəl-yəm
ka sar-me lār ši kābəl na pregdəm mayena

Кабул – мой, я из Кабула.
Любимый, [даже] если голову потеряю, Кабул не покину.

کابل د گلو ډک دی خدایه
زما یادیري کندهار شینکي باغونه

kābəl də gulo ɖak-dəy xdāya
zətmā yādegi kandahār šinki bāyuna

О Бог, Кабул полон цветов,
Но мне вспоминаются зелёные сады Кандагара.

آخر به وړان شي پېښاوره
د ننگرهار نجوني ښېرا درته کوينه

āxir-bə vrān še peḡāvāra
də nangarhār nḡjune xerā dar-ta kavi-na

О Пешавар, ты будешь [в конце концов] разрушен.

Девушки Нангархара проклинаят тебя.

3.4. Тема войны и защиты родины

Поскольку *ландэй* – это преимущественно женские стихи, тема войны и защиты родины отражена в них в первую очередь через обращения женщин к своим возлюбленным или родственникам-мужчинам с призывами проявлять честь и мужество в борьбе с врагами, быть готовыми к самопожертвованию ради защиты родной земли. В таких стихах могут встретиться обвинения и даже проклятия в адрес мужчин, неспособных выполнить свой общественный долг. Матери побуждают своих сыновей, сёстры – своих братьев, жёны – мужей, девушки – своих возлюбленных к сохранению чести и достоинства, мужеству, совершению боевых подвигов даже ценой жизни:

له آزادی نه خان قربان کره

چی هر سهار نجونی زیارت لره درخینه

lə āzādāy-na zān qurbān kṛa

če har sahār nḵune ziyārat-lara dar-zi-na

Жизнь отдай за свободу,

Чтобы каждое утро девушки приходили к тебе на могилу.

که تور اوربل می میراثیری

د وطن جنگ دی، جانان نه منع کومه

ka tor orbəl-me mirāsegi
də vatan ĵang-dəy ĵānān na man 'a kavəta

Если мое наследство – это чёрная челка,
Любимому не препятствую, [ведь] война за родину.

د شونډو سور شربت به درکړم
که له مورچله دي بری راوړی وینه

də šunḍo sur šarbat-bə darkṛəm
ka lə morčala-de baray rāvəṛay vi-na

Напою тебя шербетом алых губ,
Если из укрепления принесешь победу.

Провожая своих мужчин на войну, или же встречая с неё, женщины
так же демонстрируют своё неприятие проявлений трусости:

ته چی زما په غبرکي رپړدی
هله به څه کړي چی شرنګا د تورو وینه

tə če zāmā pə yeḡ ke reḡdi
halta-bə cə kṛe če šrangā də turo vi-na

Ты, кто дрожит в моих объятиях,
Что будешь делать, там, где будет звон сабель!?

د مروند خوب مي پرې حرام دی
چې په میدان کې د دښمن تپینته کوینه

də marvand xob me pre harām dāy
če pə maydān-ke dā duḡman tex̄ta kavi-na

Запретны мечты о моих объятиях¹¹,
Тому, кто бежит от врага на поле боя.

Кроме того, паштунки гордятся тем, что их мужчины на войне получают ранения (кроме ран на спине), поскольку это означает, что они сражались храбро, и готовы были отдать свои жизни за семью, племя, страну:

جانان مي ټپ پر ټټر و خور
په جگ مغزی د کلي پېغلو کې گرز مه

jānān-me ṭap pər ṭaṭar vuxoṛ
pə jəg-mayzi dā kəli peylo-ke gərzəma

Любимый мой получил рану в грудь;
Среди девушек деревни я хожу с [гордо] поднятой головой.

جانانه بڼه دی چی زخمي شوي
زه به دا خپله غاړه هسکه گرزومه

jānāna xə-dāy če zaḡmi šve
zə-bə dā xpəla yāṛa haska gərzavəma

Любимый, хорошо, что ты был ранен:
Теперь я буду ходить с [гордо] поднятой головой.

---

¹¹ Букв. «запястье».

Тексты некоторых *ландэй* свидетельствуют о том, что нередко женщины наравне с мужчинами участвовали в войнах. В таких стихах женщины часто выражают готовность взяться за оружие и идти в бой.

جنگ ته ځي ما در سره بوځه
چی غاړه کی دې په لمن کی گرزومه

ǰang-ta ze mā dar-sara boza
če yārakəy-de pə lamən-ke gərzavəta

Идешь на войну, и меня с собой веди,
Чтобы я подносила тебе патроны в подоле.

جانان به ولي توره نه کا؟
تر نیمایي مورچله زه در سره ځمه

ǰānān-bə vale tura na kā
tər nimāy morčala zə dar-sara zəta

Любимый, почему не проявляешь отвагу,
[Ведь] я с тобой пройду до половины укрепления.

Среди двустихий-*ландэй*, где отчетливо звучат патриотические и военные мотивы, особенно часто встречаются стихи, авторство которых принадлежит мужчинам. Можно утверждать, что для «мужских» *ландэй* в целом характерна именно эта тематика. Подобные стихи хорошо дополняют строки классических произведений письменной словесности пашто, в которых представлен этический идеал паштуна.

په دنيا دوه شيهه مزه كا
يا سپينه خوله، يا د بوري تويك غرونه

pə dunyā dva šaya maza kā
yā spina xla yā də burī ʔopak yağuna

Две вещи в мире приятны:

Или белые уста [любимой], или звуки [выстрелов] ружья.

که د بچو سره تباہ شم
په وطن جنگ دے جنگ به ولي نه کوومه

ka də bačo-sara tabāh šəm
pə vatan ĵang-dəy ĵang-bə vale na kavəm-a

Пусть с юношами погибну.

Война за родину, почему я не должен воевать.

3.5. Отражение исламской идеологии

Высокий боевой дух паштунов и их стойкость в борьбе с иноземными завоевателями поддерживались и укреплялись на основе традиционных догматов исламского вероучения, ставшего неотъемлемой частью массового сознания.

В культуре паштунов значимую роль всегда играли и продолжают играть такие понятия ислама, как *джихад* и *газават* (борьба за веру). Первоначально под *джихадом* понималась защита ислама и борьба за его распространение. На сегодняшний день в исламской доктрине имеются

положения, определяющие различные виды *джихада*, в частности следующие: *джихад* сердца (борьба с собственными дурными наклонностями), *джихад* языка (с повеление достойного одобрения и запрещение достойного порицания), *джихад* руки (принятие дисциплинарных мер в отношении преступников и нарушителей норм нравственности) и *джихад* меча (вооруженная борьба с неверными, павшему в которой уготовано вечное блаженство в раю) [Пиотровский, Прозоров 1988, с. 68]. Для обозначения именно борьбы с неверными используется другое понятие – *газават*, которое также понимается как «священная война» [Там же, с. 69]. Отличившиеся на «священной войне» получали почётный титул *гази* («борец за веру»), погибших же героев называли *шахидами* («мученик за веру»). Другое важное понятие, относящееся к войне за веру, – *куфр*. Его значение в целом – неверие, непризнание ислама или отход от его догм. Однако толкование этого термина весьма широко, что позволяет использовать его и в современной политической пропаганде [Там же, с. 135].

Вышеупомянутый принцип *тура* неразрывно связан с безусловной обязанностью каждого паштуна участвовать в «священной войне», в «войне за веру». Г. Гирс так пишет по этому поводу: «Призыв к *джихаду* был использован, например, во времена вооружённых столкновений и войн с англичанами в XIX-XX вв., а так же и в период индо-пакистанского конфликта из-за Кашмира в середине XX в. Активнее воздействие на массы идей «священной войны» против «неверных» осуществлялось силами многочисленных служителей культа. Нередко муллы принимали непосредственное участие в освободительной борьбе, некоторые даже возглавляли паштунские племенные ополчения. Это ещё больше укрепляло их авторитет в паштунской среде. Стоит отметить, что

у паштунов с начала английской колониальной экспансии само понятие *кафир* (неверующий, неверный) стало отождествляться с другим словом – *фаранг* («европеец»). Борьба за национальную независимость осознавалась паштунами и как борьба за сохранение «чистоты» веры» [Гирс 1984, с. 16-17].

Исламские лозунги «священной войны» в немалой степени способствовали усилению отпора колонизаторам, что нашло прямое отражение в фольклорных песнях, стихах, в том числе относящихся к жанру *ландэй*.

جندي مي سري په قبر کېږدی
په شهادت د خپل وطن جنت له ځمه

ĵundəy-me sre pə qabər keǵdəy
pə šahādat də xpəl vatan ĵanat-lə zəta

Моё красное [от крови] знамя положите на могилу.

Отправляюсь в рай, погибнув мучеником за свою родину.

موري لندي توره مي راځړه
په دين غزا ده زه خپل ځان شهيدومه

more lanḡəy tura me rakṛa
pə din Ƴazā-da zə xpəl zan šahidavəm-a

Матушка, дай мне короткую саблю.

Это – священная война за веру, и я пожертвую собой.

Заключение

В данной работе были выявлены особенности произведений жанра *ландэй*, рассмотрена история изучения афганского фольклора в целом и жанра *ландэй* в частности, выполнен анализ двустиший-*ландэй*, содержащих историческую и патриотическую тематику.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, паштуны – это народ, обладающий богатой историей, древней культурой и устоявшимися принципами жизни, которые неразрывно связаны с народным творчеством. Все важнейшие элементы образа жизни паштунов так или иначе отражены в произведениях народной поэзии. Важно также, что в них содержатся и отдельные исторические сведения, что мы можем наблюдать на примере стихов-*ландэй*. Следует отметить, что история паштунов не просто отражена в этих двустишиях, но является прямым источником их содержания, в частности таких важных тем, как тема родины (*vatan*) и воинской доблести (*tura*).

Ландэй – самый популярный жанр паштунской народной поэзии. Возраст этого жанра неизвестен, можно лишь предполагать, что ему не менее тысячи лет. Произведения жанра *ландэй* передают всю палитру чувств и переживаний афганского народа. И хотя авторы *ландэй*, как правило, неизвестны, можно утверждать, что этот жанр в основном является женским, несмотря на наличие определенного числа *ландэй*, авторство которых явно принадлежит мужчинам. Вероятно, именно по этой причине произведения жанра *ландэй* отличаются особенно выраженной эмоциональностью и экспрессивностью.

Двустипшия-ландэй характеризуются также строгим строфическим строением, метрикой, а также тем обстоятельством, что их бытование не ограничено рамками какого-либо конкретного племени (как, например, стихи племени какаров *дэ какаро гāрī*), но являются общим литературно-художественным достоянием всего афганского народа.

Во-вторых, вопреки распространенному мнению о том, что начало собиранию и изучению афганского фольклора, в том числе двустипший-ландэй, было положено европейскими исследователями во второй половине XIX в., современные данные о состоянии афганского рукописного наследия свидетельствуют о приоритете самих афганцев в освоении народной поэзии пашто. Кроме того, в последние десятилетия лидирующие позиции в изучении и афганского фольклора в целом, и его жанров, включая *ландэй*, также занимают исследователи Афганистана и Пакистана. Использованная в данной работе книга профессора Ханифа Халила лишь одна из многих публикаций афганских ученых, посвященных паштунскому фольклору и жанру *ландэй*. Тем не менее, интерес западных исследователей в изучении фольклора пашто не исчерпал себя на сегодняшний день. Заметный вклад в этот процесс в последние годы внесла американская исследовательница В. Хестон.

В-третьих, анализ *ландэй* национально-патриотического содержания позволил установить в них наличие мотивов, связанных с разными аспектами социально-правовых обычаев, религиозной идеологии и этических норм паштунов. В числе наиболее ярко выраженных – мотивы, отражающие принципы неписанного афганского кодекса чести «Паштунвали» и предписания ислама. Как принципы «Паштунвали» (такие, как *нанг, тура, намус, бадал, гайрат*), так и догмы ислама, безусловно, оказали большое влияние на формирование

национального и патриотического сознания паштунов. Кроме того, развитию и укреплению этого сознания во многом способствовали драматические события истории паштунских племен, в том числе, например, моголо-афганская война 1672-1676 гг., англо-афганские войны XIX-XX вв. и пр. Многочисленные проявления внешней агрессии стали не просто фактором объединения различных племен в рамках тех или иных военно-политических коалиций, но в итоге заставили паштунов осознать себя единым народом.

Систематизация тематики национально-патриотических двустиший-*ландэй* позволила выделить среди них пять тематических подгрупп, в которых отражены исторические мотивы, патриотические мотивы, мотивы войны и защиты Родины, принципы «Паштунвали» и положения исламской религиозной идеологии. Следует также отметить, что в двустишиях-*ландэй* именно национально-патриотической тематики доля «мужского» авторства существенно выше, чем в стихах другого содержания, и в целом сопоставима с долей «женского» авторства. Одновременно это обстоятельство дает возможность увидеть гендерную специфику в обращении авторов *ландэй* к национально-патриотическим и военным темам.

Более того, народная поэзия благодаря отражению этих различных аспектов и мотивов в немалой степени способствует патриотическому воспитанию молодого поколения. Через произведения устного творчества, в первую очередь стихи и песни, закладывается уважение к своей истории, к своим предкам, почитание своих традиций, особое отношение к своим землякам и, самое главное, понимание того, что такое Родина, с чего она начинается.

В-четвертых, проведенное исследование подтвердило ранее высказывавшееся суждение о том, что *двустия-ландэй*, несмотря на свою исключительную лаконичность, с одной стороны, являются достаточно информативными документальными источниками по истории и социально-правовой культуре паштунских племен, а, с другой, содержат крайне важный эмотивный элемент, способствующий лучшему пониманию многих аспектов повседневной жизни афганского племенного общества.

Список использованной литературы

Герасимова, Гирс 1963: Герасимова А.С., Гирс Г.Ф. Литература Афганистана. М., 1963.

Гирс 1984: Гирс Г.Ф. Исторические песни пуштунов. Сост., пер. с пушту, вступит. статья, коммент. и указатели Г.Ф. Гирса. М., 1984.

Жехак 1989: Жехак Л. Кодекс чести пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура. М, 1989. С. 58-72.

Катков 1989: Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура. М, 1989. С. 39-57.

Лебедев 2003: Лебедев К.А. Афганистан: язык, литература, этнография. М., 2003.

Лебедев 1972: Лебедев К.А. Афганские сказки и легенды. М., 1972.

Лебедев 1997: Лебедев К. А. Афганский народ - пуштуны. М., 1997.

Пелевин 2010: Пелевин М.С. Афганская литература позднего средневековья. СПб., 2010.

Пиотровский, Прозоров 1988: Авксентьев А.В., Акимушкин О.Ф., Акиниязов Г.Б. и др. Ислам: Словарь атеиста. Под общ. ред. Пиотровского М.Б., Прозорова С. М. М., 1988.

Khalil 2011: Khalil H. Pashtoon Culture in Pashto Tappa. Islamabad, 2011.

Ландайха 1991: Ландайха под ред. Мухаммад Рахим Илхама, Додаджона Обидова. Душанбе, 1991.

Landəy 1979: Landəy ed. by Abdul Rauf Benawa, Saad Eddin Shpoon. Кабул, 1979.

Pelevin 2015₁: Pelevin M. Early specimens of Pashto Folklore. // Studies on Iran and The Caucasus. In Honour of Garnik Asatrian / Ed. by U. Bläsing, V. Arakelova, M. Weinreich. Leiden; Boston: Brill. 2015. P. 479-494.

Pelevin 2015₂: Pelevin M. Ethnic Consciousness of Pashtun Tribal Rulers in Pre-Modern Times. // Iran and the Caucasus, Vol. 19. 2. Leiden; Boston: Brill. 2015. P. 117-138.

Приложение

خان د وطن په شمع سيزه
چې پتنگان دې د زيارت طواف كوينه

zān dā vatan pə sham 'a seza
če patangān-de dā zyārat tawāf kavi-na

Себя за Родину сжигай, как свечу,
Чтобы [другие люди, как] мотыльки, кружились вокруг твоей могилы.

په تور ټوپک ویشتلې راشي
د بې ننگۍ اواز دې رامشه مئینه

pə tor ټopak wištəli rāše
dā binangəy āwāz-de rā-ma-ša mayəna

Приди подстреленный из проклятого (букв. «чёрного») ружья,
О любимый, [пусть] не ходят слухи о твоём позоре.

په تور دکن دې ځلې جوړ شه
د بې ننگۍ اواز دې رامشه مئینه

pə tor dakan-de cəlay jor ša
dā binangəy awaz-de rā-ma-ša mayən-a

В проклятом (букв. «черном») Деккане пусть будет построен тебе
[надгробный] обелиск,

О любимый, [пусть] не ходят слухи разговоры о твоём позоре.

ما درته وي شينگل ته مه خه
دشمن ظالم دے تا به توپ ته اوترينه

mā dar-ta we šingul-ta ma za
dušman zālim-dəy tā-bə tup-ta awtaṛi-na

Я тебе сказал(а): «Не ходи в Шингал,
Враг жесток, тебя погонят под [выстрелы] пушек».

سبالا لمر نه وي ختلی
زما جانان سنگر ته خي اتن کوينه

sabā lā lmar na vī xatəlay
zəmə jānān sangar-ta zī ataṇ kavi-na

Ещё не встало утром солнце,
А мой возлюбленный уже идёт к укреплению и танцует «атан»¹².

زلميه، خدای که به خوله درکرم،
پر سپر دي نشته د مسرى توري وارونه

zalmaya xdāy ka-bə xula darkṛəm
pər spar-de nəšta də misrəy ture vārūna

О юноша, даст Бог я тебя [потом] поцелую,

¹² Атан – паштунский танец, развивающий выносливость и терпение, своего рода «вид спорта», которым занимаются для выработки боевых навыков.

[Но сейчас] на щите твоём нет [следов] ударов египетских сабель.

چی جنگ ته ځي خولگی مي واخله
چی تبری ته شي د هجران په میدانونه

če ĵang-ta ze xulgəy-me vāxla
če taġay tə še dā hijrān pə maydānuna

Раз идешь на войну, прими мой поцелуй,
Чтобы ты не испытывал жажду на поле боя разлуки.

جانان مي جنگ کي ماتي وکړه
په بى گانۍ ورکړي خوله پښۍ مانه شومه

ĵānān-me ĵang-ke māte vukṛa
pə begānəy varkəre xula pḡemāna švəta

Мой любимый на войне потерпел поражение,
За вчерашний поцелуй я раскаялась.

توکری - توکری په تورو راشي
چی پرهارونه دي گنډم، خوله درکومه

ṭukre-ṭukre pə turo rāše
če purhārūna-de ganḡəm xula darkavəta

Приди [израненный] саблями,
Чтобы раны твои зашила, тебя поцеловала.

توله به څو د جنگ میدان ته

نه چى پيغور د كوم غليم راپاتې شينه

ṭola-bə zu də ǰang maydān-ta
na če peyor də kum ɣalim rāpāte šī-na

Мы все пойдём на поле битвы

Для того, чтобы не было нам упрёка от какого-либо врага.

په وینو سور لکه گلاب شه

پښتنې ناوې به دې تور اوربل کې ږدینه

pə vino sur ləka gulāb ša
paṣtane nave-bə-de tor orbəl-ke ǰdi-na

Будь в крови, как красный цветок,

И тогда паштунские невесты положат тебя в чёрные локоны.

په وینو رنگ توره دې راوړه

راشه، په سرو شونډو یې زه (در) پاکومه

pə vino rang tura-de rāvra
rāša pə sro šunḍo-ye zə [dar-]pākavəma

Ты принес клинок, красный от крови,

Приди, я тебе его красными губами отмою.

په وینو رنگ سینه دې راوړه

چې په سورکو شونډو یې زه درپاکه کمه

pə vino rang sina-de rāvra

če pə surko šunḡo-ye zə dar-pāka kəṁ-a

Ты пришел с грудью, красной от крови,
Чтобы я тебе её красными губами отмыла.

په دښمن ځان توکر-توکر کړه
بيا به د سرو شونډو ملهم درباندي ږدمه

pə duḡman zān ʔokar- ʔokar kṛa
byā-bə-də sro šunḡo malham darbānde ḡdəṁ-a

В битве с врагом получи раны,
И тогда я наложу тебе бальзам своих алых губ.

بری به راوړي که خدای کاندې
زلمي د ننگ جامي برتن میدان ته ځینه

baray-bə rāvṛe ka xdāy kāndi
zalmi də nang jāme bartan maydān-ta zi-na

Принесёшь победу, дай Бог,
Юноши в одеждах чести идут на битву.

کابل ته مه وايه چی وړان شي
په کې پراته دي پښتانه د ننگ مروڼه

kābəl-ta ma vāya če vrān še
pə-ke prātə-di paḡtānə də nang maṛuna

Не говори Кабулу: «Будь разрушен!»;

В нём ведь есть паштуны – мужи чести.

وطن مي ياره لکه گل دی
زه يي بلبل د گل په بوتې چغار کومه

vatan-me yāra laka gol-dəy
zə-ye bulbul də gol pə buṭi čuyār kavəma

О друг, Родина моя – это [куст] розы,
Я её соловей, на ветвях цветка я пою.

ای مسافره اشنا راشه
در پسي ژاري د وطن همزولي جونه

ay musāfira ašnā rāša
dar-pase žāri də vatan hamzoli juna

О странствующий друг, приди,
По тебе на Родине плачут девушки-ровесницы.

اوبنکي مي وچي په سالو کره
اشنا له خپل وطن نه بل وطن ته ځمه

ixke-me vače pə sālu kṛa
ašnā lə xpəl vatana bəl vatan-ta zəm-a

Слёзы мои вытри платком,
Друг, я из своей Родины в чужую Родину иду.

کابل خو گل ننگرار بلبل دی

بيدا به نشي د لغمان غوندي ملكونه

kābəl xo gol nangrār bulbul dəy
paydā-bə naši də laṡmān-ṡunde mulkuna

Кабул ведь цветок, Нангархар – соловей,
[Но] не найдутся земли, похожие на Лагман.

کابل ته مه وايه چي وړان شي
په کي پراته دي بڼه ځوانان کاره بریتونه

kābəl-ta ma vāya e vrān e
pə ke prātə di ə vānān kāgə brituna

Не говори Кабулу: «Будь разрушен!»;
В нём ведь есть славные юноши с изогнутыми усами.

که په رشتيا پر ما مين يي
پر خوست گرمي ده ماته کښېږده چنارونه

ka pə rištīyā pər mā maṡən-ṡe
pər xost garməy-da mā-ta kṡeḡda ināruna

Если по-настоящему любишь меня,
В Хосте, [где] [сейчас] жарко, для меня посади тополя.

وطن زما د تن جامه ده
د تن جامه به لکه گل غوندي ساتمه

vatan zətmā də tan ṡāma-da
də tan ṡāma-bə ləka gul-ṡunde sātəm-a

Родина – платье на моём теле,

Это платье, словно цветок, я защищу.

وطن له مور و پلاره خوږ دى
جانانه درې واره پرېږدم تا سره ځمه

vatan la mor-u-plāra xoǵ dāy
ǵānāna dre vāra preǵdām tā-sara zāma

Родина милее родителей,
Любимый, я всех троих оставляю, с тобой иду.

وطن جنت داگ يي گلونه
زه کم نصيبه مسافره ترېنه ځمه

vatan ǵannat dāg-ye guluna
zā kamnasiba musāfira tre-na zāma

Родина – рай, степи её – цветы,
Я невезучая, уйду из неё в путешествие.

وطن د ژېړو گلو باغ دى
ما کبر جنې ورته شا کړه ترېنه ځمه

vatan dā ǵyaro gulo bāy-dāy
mā kibərǵāne var-ta šā kṛa tre-na zāma

Родина – сад с жёлтыми цветами,
Я заносчиво повернулась к ней спиной, покидаю её.